

ноценную систему подготовки и профессионального сопровождения замещающих семей. Приемные родители должны получить необходимые знания для воспитания детей, это можно

сделать посредством курсов и образовательных программ.

Эти меры, хоть и не полностью, но должны помочь в решении данной проблемы.

Литература

Беспалов Ю.Ф. 2010. *Рассмотрение и разрешение судами гражданских и семейных дел с участием ребенка: учебно-практическое пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция»*. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 562 с.

Кирилловых А.А. 2010. *Семейное право*. Курс лекций. Учебное пособие. М.: Книжный мир, 349 с.

Левушкин А.Н., Серебрякова А.А. 2012. *Семейное право: учебник для студентов вузов*. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 682 с.

Нагаев В.В. 2011. *Ювенальная юстиция. Социальные проблемы: учебное пособие для студентов вузов*. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 427 с.

Усыновление. 2014. — *Электронная энциклопедия «Википедия»*. Доступ: wikipedia.org (проброено: 14.01.14).

УДК 94(470)''16/18''

МАЛИКОВ Денис Сергеевич –

капитан юстиции, прокурор отдела военной прокуратуры Южного военного округа.

344007, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 72а.

a_vua@rambler.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЙ ВОЕННЫХ И ГРАЖДАНСКИХ ОБЪЕКТОВ В РАЙОНАХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА И О ПРАВОВОЙ ОЦЕНКЕ РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ НИМИ

THE DEFINITION OF THE NOTIONS OF THE MILITARY AND CIVILIAN OBJECTS IN THE AREA OF THE ARMED CONFLICT, AND THE LEGAL ASSESSMENT OF THE DIFFERENCES BETWEEN THEM

Автор анализирует уставы и наставления армий различных стран с точки зрения включения в них соответствующих норм международного гуманитарного права и практики их соблюдения в условиях вооруженного конфликта международного и не международного характера. Данная проблематика научного исследования стала особенно актуальной в период продолжающегося вооруженного противостояния на юго-востоке Украины.

Ключевые слова: военные объекты, гражданские объекты, район вооруженного конфликта

The author analyzes the statutes and the regulations of the armies of various countries from the point of view of

inclusion of the relevant rules of the international humanitarian law and the practice of their implementation in the situations of the international and non-international armed conflict. These problems are especially important now, in the situation of the ongoing armed conflict in the south-east Ukraine.

Keywords: *military objects, civilian objects, area of armed conflict*

К принципам международного гуманитарного права, регулирующим применение средств поражения в районах вооруженного конфликта, наряду с принципами гуманности, военной необходимости, избирательности и соразмерности нападения, относится и принцип проведения различия.

Принцип проведения различия требует: «стороны, находящиеся в конфликте, должны в любое время проводить различие между гражданскими объектами и военными объектами. Нападения могут быть направлены лишь против военных объектов. Нападения не могут быть направлены против гражданских объектов» [Хенкертс, Досвальд-Бек 2006: 32].

При этом практика государств устанавливает данную норму в качестве нормы обычного международного права, применяемой во время как международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов.

Применительно к международным вооруженным конфликтам данная норма кодифицирована в ст. 48 и 52(2) Дополнительного протокола I. Запрещение нападения на гражданские объекты также закреплено в ст. 3(7) Протокола II с поправками и ст. 2(1) Протокола III к Конвенции о конкретных видах обычного оружия. Кроме того, согласно ст. 8(2)(b)(ii) Статута Международного уголовного суда, «умышленные нападения на гражданские объекты, т.е. объекты, которые не являются военными целями», составляют военное преступление в международных вооруженных конфликтах.

Обязательство проводить различие между гражданскими и военными объектами и запрещение нападения на гражданские объекты содержатся во многих военных уставах и наставлениях. Так, например, шведское Руководство по международному гуманитарному праву определяет принцип проведения различия, предусмотренный в ст. 48 Дополнительного

протокола I, как норму обычного международного права. Многие государства (Австралия, Азербайджан, Великобритания, Венгрия, Германия, Грузия, Ирландия, Испания, Италия, Канада и др.) приняли законодательные акты, объявляющие преступлением нападение на гражданские объекты во время вооруженного конфликта.

Что касается немеждународных вооруженных конфликтов, то различие между гражданскими объектами и военными объектами вначале было включено в проект Дополнительного протокола II, но потом было исключено в последний момент в рамках мер, направленных на упрощение текста. В результате в Дополнительном протоколе II не содержится ни принцип, ни запрещение нападения на гражданские объекты. Однако запрещение нападения на гражданские объекты включено в более позднее договорное право, применимое во время немеждународных вооруженных конфликтов, а именно в ст. 3(7) Протокола II с поправками к Конвенции о конкретных видах обычного оружия. Это запрещение также содержится и в ст. 2(1) Протокола III к Конвенции о конкретных видах обычного оружия, который стал применяться к немеждународным вооруженным конфликтам.

Кроме того, в ст. 6(a) Протокола II к Конвенции о защите культурных ценностей используется принцип проведения различия между гражданскими и военными объектами в качестве основы для защиты культурных ценностей во время немеждународных вооруженных конфликтов.

Статут Международного уголовного суда прямо не называет нападение на гражданские объекты военным преступлением во время немеждународных вооруженных конфликтов, однако ст. 8(2) (e) (xii) включает в число военных преступлений уничтожение имущества неприятеля, за исключением случаев, когда такое

уничтожение или захват «настоятельно диктуются обстоятельствами конфликта». Следовательно, нападение на гражданский объект является военным преступлением по Статуту МУС, т.к. такое нападение не диктуется настоятельно обстоятельствами конфликта.

Кроме того, ст. 8(2) (е) (iii) Статута МУС определяет как военное преступление нанесение ударов во время немеждународного вооруженного конфликта по объектам, материалам, подразделениям или транспортным средствам, задействованным в оказании гуманитарной помощи или в миссии по поддержанию мира, пока такие объекты «имеют право на защиту, которой пользуются... гражданские объекты по международному праву вооруженных конфликтов».

Обязательство проводить различие между гражданскими и военными объектами и запрещение нападения на гражданские объекты содержатся в военных уставах и наставлениях Германии, Хорватии, Италии, ЮАР и Югославии, которые применимы или применялись во время немеждународных вооруженных конфликтов. Многие государства (Австралия, Великобритания, Грузия, Испания, Канада, Норвегия и др.) приняли законодательные акты, объявляющие преступлением нападение на гражданские объекты во время вооруженного конфликта. Существует также внутригосударственное прецедентное право, основанное на данной норме обычного гуманитарного права [Хенкертс, Досвальд-Бек 2005: 147].

Официальной практики, противоречащей данной норме, нет ни в отношении международных, ни в отношении немеждународных вооруженных конфликтов. Государства и международные организации обычно осуждали и осуждают нападение на гражданские объекты, например во время конфликтов в Боснии и Герцеговине, Ливане, Судане и во время ирано-иракской войны, т.к. еще в 1938 г. Ассамблея Лиги Наций постановила, что «объекты, становящиеся целями воздушного нападения, должны быть законными военными целями и

должны быть опознаваемыми»¹. Решения Международного суда и Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии также свидетельствуют о том, что запрещение нападений на гражданские объекты является обычным как во время международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов.

Вместе с тем некоторые государства (Австралия, Великобритания, Италия, Канада, США, Германия, Франция и др.) считают, что норма, содержащаяся в ст. 52(2) Дополнительного протокола I и предусматривающая, что «нападения должны строго ограничиваться военными объектами», запрещает лишь прямые нападения на гражданские объекты и не касается побочного ущерба, причиненного нападениями на военные объекты. Представляется, что цель этих заявлений заключалась в том, чтобы подчеркнуть, что нападение, затрагивающее гражданские объекты, не является незаконным, если оно направлено против военного объекта, и побочный ущерб, нанесенный гражданским объектам, не является чрезмерным. Поэтому это соображение было учтено при формулировании данной нормы обычного международного гуманитарного права, в которой используются слова «нападения, направленные против...».

Что касается вопроса относимости объектов к военным, то согласно нормам обычного международного гуманитарного права военные объекты ограничиваются лишь теми объектами, которые в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество [Хенкертс, Досвальд-Бек 2006: 38]. Практика государств устанавливает эту норму в качестве нормы обычного международного права, применяемой во время как международных,

¹ League of Nations Assembly Resolution, adopted on September 30, 1938.

так и немеждународных вооруженных конфликтов.

Это определение военных объектов было закреплено в ст. 52(2) Дополнительного протокола I. Кроме того, во многих военных уставах и наставлениях (Австралии, Аргентины, Бельгии, Великобритании, Венгрии, Германии, Испании, Италии, Канады, Нидерландов, Франции, Хорватии, Швеции, США и др.) содержится данное определение военных объектов.

Хотя это определение военных объектов и не было включено в Дополнительный протокол II, тем не менее впоследствии оно вошло в договорное право, применяемое во время немеждународных вооруженных конфликтов, а именно в Протокол II [ст. 2(4)], Протокол II [ст. 2(6)] с поправками и в Протокол III [ст. 1(3)] к Конвенции о конкретных видах обычного оружия, а также в Протокол II [ст. 1(f)] к Гагской конвенции о защите культурных ценностей.

Практики, противоречащей данной норме, нет ни в отношении международных, ни в отношении немеждународных вооруженных конфликтов в том смысле, что официально не выдвигалось никакое другое определение военных объектов. Так, в отчете о практике США объясняется, что США согласны с тем, что определение ст. 52(2) Дополнительного протокола I входит в обычное право и что формулировка, использованная в Руководстве для Военно-морских сил США, т.е. эффективный вклад «в возможности неприятеля сражаться или поддерживать военные усилия», отражает их мнение, что это широкое определение охватывает участки земли, объекты, прикрывающие другие военные объекты и поддерживающие военные усилия производственной мощности¹.

Однако несколько государств (Австралия, Германия, Испания, Италия, Канада, США и Франция) все же указали, что при выборе целей они будут учитывать военное преимущество, ожидаемое от нападения в целом, а не от отдельных его частей. Более

того, военные уставы и наставления Австралии и США предполагают, что ожидаемое военное преимущество может включать в себя и обеспечение большей безопасности нападающих или дружественных им сил.

При этом во многих военных уставах и наставлениях (Австралии, Венгрии, Германии, Испании, Канады, США и др.) предусматривается, что присутствие гражданских лиц на военных объектах или рядом с ними не предоставляет таким объектам иммунитет от нападений. Это относится, например, к гражданским лицам, работающим на военном заводе, которые подвергаются риску, связанному с нападением на этот военный объект, но сами не являются комбатантами. Тем не менее подобные нападения должны подчиняться принципу соразмерности и требованию принимать меры предосторожности при нападении. Кроме того, запрещено использовать и так называемые «живые щиты».

В практике государств примерами военных объектов наиболее часто являются учреждения, здания и места, где находятся неприятельские комбатанты, их боевая техника и вооружение, а также военные транспортные средства и средства связи. Что касается объектов двойного использования, таких как гражданские транспортные средства или средства связи, которые могут быть использованы в военных целях, то практика определяет, что классификация этих объектов зависит от применения определения военных объектов. Промышленные объекты, которые оказывают эффективную поддержку военным операциям, также приводятся в качестве примера военных объектов при условии, что нападение на них дает явное военное преимущество. Кроме того, во многих военных уставах и наставлениях (Австралии, Бельгии, Великобритании, Испании, Италии, США, Франции, Швеции и др.) предполагается, что участок земли может являться военным объектом, если удовлетворяет содержащимся в определении военного объекта условиям.

В свою очередь, согласно норме обычного международного гуманитарного права гражданскими объектами

¹ Report on US Practice (§361) referring to United States, Naval Handbook (§339).

являются все те объекты, которые не являются военными объектами. Практика государств устанавливает данную норму в качестве нормы обычного международного права, применяемой во время как международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов. При этом определение гражданских объектов следует рассматривать в сочетании с определением военных объектов, т.к. лишь те объекты, которые классифицируются как военные, могут подвергаться нападению, другие объекты пользуются защитой от нападения.

Данное определение гражданских объектов закреплено в ст. 52(1) Дополнительного протокола I. Это определение гражданских объектов содержится во многих военных уставах и наставлениях (Австралии, Аргентины, Великобритании, Испании, Канады, ЮАР, Италии, США, Франции и др.).

Хотя это определение не было включено в Дополнительный протокол II, впоследствии оно вошло в договорное право, применяемое в немеждународных вооруженных конфликтах, а именно в ст.2(7) Протокола II с поправками к Конвенции о конкретных видах обычного оружия, в ст. 1(4) Протокола III к Конвенции о конкретных видах обычного оружия, который стал применяться к немеждународным вооруженным конфликтам. Кроме того, данное определение гражданских объектов также закреплено в военных уставах и наставлениях ЮАР, Италии и Хорватии и применимо или применялось во время немеждународных вооруженных конфликтов.

Практики, противоречащей данной норме, нет ни в отношении международных, ни в отношении немеждународных вооруженных конфликтов в том смысле, что официально не выдвигалось никакого другого определения гражданских объектов. В некоторых военных уставах и наставлениях (Италии, Франции и Хорватии) гражданские объекты определяются как «объекты, которые не используются в военных целях», что не противоречит данной норме, но подчеркивает то обстоятельство, что гражданские объекты утрачивают свое право на защиту

от нападений, если они используются в военных целях и в связи с таким использованием становятся военными объектами [Хенкертс, Досвальд-Бек 2006: 44].

В практике государств гражданскими объектами считаются города, деревни, жилые районы, жилища, дома и школы, гражданские транспортные средства, больницы, медицинские учреждения и медицинские отделения, исторические памятники, места отправления культа и культурные ценности, а также окружающая среда, при условии, что они не становятся военными объектами. Нападения на такие объекты обычно осуждаются.

Согласно норме обычного международного гуманитарного права «гражданские объекты пользуются защитой от нападения, за исключением случаев и того периода времени, когда они становятся военными объектами» [Хенкертс, Досвальд-Бек 2006: 44]. Практика государств также устанавливает эту норму в качестве нормы обычного международного права, применяемой во время как международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов.

Утрату гражданскими объектами права на защиту следует рассматривать вкуче с основополагающей нормой, которая говорит о том, что лишь военные объекты могут подвергаться нападению. Отсюда следует, что гражданский объект может подвергаться нападению, когда он утрачивает свой гражданский характер и классифицируется как военный объект. Этот довод можно также найти в ст. 8(2) (b) (ii), ст.8 (2) (b) (ix), ст. 8(2) (b) (v) и ст. 8(2) (e) (iv) Статута МУС, который объявляет военным преступлением умышленные нападения на гражданские объекты при условии, что они «не являются военными целями».

Во многих военных уставах и наставлениях (Австралии, Израиля, Испании, Италии, Канады, России, США, Франции и др.) содержится положение о том, что гражданские объекты утрачивают право на защиту от нападения, если они становятся военными объектами, и такое положение сохраняется, пока они таковыми являются. В этом случае о гражданских

объектах, теряющих право на защиту, зачастую говорят, что они «используются в военных целях» или «используются для организации военных действий». Эти выражения не противоречат данной норме, и в любом случае они используются государствами, которые согласились с определением военных объектов, содержащимся в нормах обычного международного гуманитарного права.

Вопрос о том, как классифицировать объект в случае сомнений, весьма сложен. Дополнительный протокол I [ст. 52(3)] формулирует ответ на него, предусматривая, что «в случае сомнения в том, не используется ли объект, который обычно предназначен для гражданских целей, например место отправления культа, жилой дом или другие жилые постройки или школа, для эффективной поддержки военных действий, предполагается, что такой объект используется в гражданских целях». Принцип презумпции гражданского характера объекта в случае сомнений также содержится в ст. 3(8) (а) Протокола II с поправками к Конвенции о конкретных видах обычного оружия.

Презумпция гражданского характера объекта, предусмотренная в Дополнительном протоколе I, также содержится во многих военных уставах и наставлениях (Австралии, Аргентины, Венгрии, Германии, Израиля, Испании, Канады, США, Франции и др.). Однако, хотя эта норма содержится в Инструкции для воздушных сил США¹, в отчете, представленном министерством обороны США конгрессу в 1992 г., тем не менее указано, что эта норма не является нормой обычного права и противоречит традиционному праву

войны, поскольку она перекладывает бремя определения точной цели, с которой используется объект, с обороняющихся на нападающих, т.е. со стороны, контролирующей объект, на сторону, лишенную возможности его контролировать. Подобная ситуация не учитывает реальное положение дел во время войны, поскольку от нападающих требуется такая степень уверенности, какая редко существует в боевых условиях. Она способствует тому, чтобы обороняющиеся пренебрегли своими обязательствами отделять гражданских лиц и гражданские объекты от военных объектов².

Судя по отчету о практике Израиля, Израиль придерживается мнения, что такая презумпция применима только в том случае, когда командир в полевых условиях полагает, что есть «значительные сомнения», а не тогда, когда существует лишь малая вероятность ошибки. Соответственно, решение нападать или не нападать принимается в полевых условиях командиром, который должен определить, достаточно ли значительна вероятность ошибки, чтобы она стала основанием для решения не нападать³.

Таким образом, в случае возникающих сомнений необходимо объективно оценить, достаточно ли признаков, которые служат основанием для нападения. Нельзя автоматически предполагать, что любой объект, который кажется подозрительным, может стать целью законного нападения, которому могут подвергаться исключительно военные, но не гражданские объекты.

² United States, Department of Defense, Final Report to Congress on the Conduct of the Persian Gulf War.

³ Report on the Practice of Israel.

¹ United States, Air Force Pamphlet.

Литература

Хенкертс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. 2006. *Обычное международное гуманитарное право*. Нормы. МККК, Т.I. 887 с.

Хенкертс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. 2005. *Обычное международное гуманитарное право*. Практика. Customary International Law, Cambridge University Press, Т.II. 943 с.